РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ НАЗВАНИЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ЕЕ АНАЛИЗ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ¹

Сама идея лексической типологии весьма плодотворна и актуальна, но успехи типологии в области семантики значительно скромнее, чем, скажем, в морфологии или синтаксисе, как отмечается в статье Копчевская-Тамм, Рахилина 1999. Диахроническая лексическая типология является еще менее разработанной, хотя весьма интересной областью исследований. Диахроническая лексическая типология позволяет объяснить генезис семантической структуры той или иной лексемы, и в ряде случаев предсказать развитие ее значения.

Как показала в своей работе А.В.Дыбо (Дыбо 1996), наиболее перспективным с точки зрения диахронической типологии является системное изучение замкнутых лексических полей. В своей монографии А.В.Дыбо проанализировала генезис и развитие соматических терминов плечевого пояса в алтайских языках и продемонстрировала, что изменения значений отдельных лексем часто связаны с общими инновациями в системе семантического поля, в которое входит эта лексема. Системные семантические изменения в диахронии зачастую являются следствием языковых контактов, различной функциональной нагруженности тех или иных понятий, а также ряда экстралингвистических факторов.

Однако существует принципиальная разница между описанием лексических полей, в которые входят слова, обладающие более или менее четким предметным значением, таких как, например, соматические термины, названия флоры и фауны, и описанием названий цветообозначений, глаголов психического восприятия, когда для каждой рассматриваемой лексемы стоит задача уточнения значения на синхронном уровне².

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-00482а.

² Для неатрибутивной лексики (предметных имен, предикатов и т.д.) проблема уточнения значения тоже стоит достаточно остро (см. подробнее об этой проблематике Рахилина 2000 с дальнейшими ссылками на библиографию).

В работе Норманская 2005 проведен анализ систем цветообозначений в древних индоевропейских языках с точки зрения диахронической типологии. В этой книге мы постарались показать, что в каждом отдельно взятом древнем индоевропейском языке (санскрите, древнегреческом, латыни и так далее) семантика обозначений черного, белого, красного и других цветов неоднозначна и нуждается в уточнениях. Оказывается, что даже у разных авторов, писавших на латыни, семантика одного и того же цветообозначения может принципиально различаться. Но именно изучение семантического наполнения цветообозначений у разных авторов, системного соотношения в их произведениях отдельных цветообозначений и подводит нас к разгадке генезиса семантики той или иной лексемы и возможности предсказать дальнейшее развитие ее семантики.

Из названий метеорологических явлений лишь температурные значения были подвергнуты типологическому анализу (в работах Копчевская-Тамм, Рахилина 1999, Lehrer 1974, 110–112; Cruse 1986, 210–213; Wiezbicka 1996, 220–225, 318–325). Исследования этих авторов показали, что изучение семантики температурных значений весьма перспективно и что, аналогично системам цветообозначений, в случае температурных значений семантика переводных аналогов на синхронном уровне может сильно различаться.

В упомянутой работе (Копчевская-Тамм, Рахилина 1999) авторы анализируют семантику прилагательных со значением температуры – прежде всего «теплого» спектра – в русском и шведском языках. Оказалось, что русские и шведские переводные аналоги рус. *теплый* – швед. *varm*, рус. *горячий* – швед. *het* не являются семантическими аналогами друг друга. В целом шведское *het* «горячее» русского *горячий*, а *varm* «теплее» русского *теплый*.

Поэтому, когда мы обращаемся к диахроническому изучению тюркских названий метеорологических явлений, перед нами стоят не только этимологические задачи, но необходимо в первую очередь на синхронном уровне для каждого тюркского языка уточнить семантику названий метеорологических явлений.

Впечатляющий объем работы, который возникает при подобном исследовании: синхронное уточнение семантики каждого метеорологического явления во всех 26 тюркских языках, этимологизация метеорологических названий, их системное сопоставление в рамках изучения диахронической лексической типологии, — значительно уменьшается благодаря существующим разработкам в области тюркской метеорологии.

Это работы Л.С.Левитской (Левитская 1997) и К.М.Мусаева (Мусаев 2006). В этих работах собран практически полный материал по этимологии и многозначности названий метеорологических явлений в тюркских языках, формально реконструированы пратюркские и общетюркские метеорологические названия, для каждого из них приведены все их рефлексы в древних и современных тюркских языках.

Благодаря существованию этих работ в настоящее время стал возможен анализ названий климата в тюркских языках с точки зрения лексической диахронической типологии, которой сводится к решению следующим задач:

- I) Уточнение систем метеорологических названий в тюркских языках:
- 1) анализ материалов новых словарей, данные которых не были учтены в работах Л.С.Левитской (Левитская 1997) и К.М.Мусаева (Мусаев 2006).
- 2) Сравнительно-семантический анализ названий метеорологических явлений в конкретных тюркских языках.
- II) Реконструкция пратюркской системы названий метеорологических явлений уточнение семантики реконструированных лексем и анализ генезиса систем названий метеорологических явлений в современных тюркских языках, изменений, имевших место при развитии этих систем из пратюркской. Представляется, что в результате верификации семантики рассматриваемых слов на синхронных уровнях и привлечения материалов по типологическим особенностям изменения семантики, картографирования нам удастся более точно реконструировать значения и праязыковых названий метеорологических явлений. В этом разделе мы постараемся выявить причины тех или иных изменений, приблизительно датировать их и описать изменение семантики той или иной лексемы.

І. СИСТЕМЫ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Корпус названий метеорологических явлений в тюркских языках, собранный в Левитская 1997, был дополнен нами по словарям⁵.

Оказалось, что некоторые метеорологические явления в отдельных тюркских языках выражаются синкретично.

Кажется интересным проанализировать:

- 1) какие именно явления могут описываться одной лексемой;
- 2) является эта многозначность архаизмом или инновацией;
- 3) не связано ли это с географической локализацией носителей этого языка.

Представляется, что та или иная многозначность может быть признана инновацией или архаизмом по следующим критериям:

а) Если многозначность представлена у рефлексов одного и того же пратюркского слова в языках географически далеких друг от друга и неблизкородственных (то есть, не относящихся к одной дочерней семье тюркских языков), то такая многозначность, вероятно, должна быть признана архаизмом.

⁴ В работах Левитская 1997 и Мусаев 2006 реконструированы праязыковые лексемы, однако не указывается для какого уровня они реконструируются.

5 См. Источники и литература.

³ Мы будем рассматривать названия только тех явлений, которые надежно реконструируются для пратюркского языка, то есть их рефлексы представлены в чувашском языке и еще какой-либо другой дочерней семье тюркских языков. Ряд слов, рефлексы которых в чувашском не зафиксированы, например, 'роса' *čyj, *čyj-yk, намеренно ислючены из рассмотрения. Их пратюркский статус представляется спорным, и зависит от верификации алтайской этимологии. Этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи и нуждается в дальнейшем исследовании.

- б) Если многозначность представлена у этимологически неродственных слов, то это инновация.
- в) Если многозначность представлена в языках, географически располагающихся в связном ареале, то это инновация.
- г) Если многозначность представлена только в языках, относящихся к одной дочерней тюркской языковой семье, то она также не может постулироваться для пратюркского уровня, а должна быть признана более поздней инновацией.

Ниже приводится список явлений, которые хотя бы в одном из языков могут описываться синкретично. Мы предлагаем классифицировать многозначность в пределах одного из семантических полей: «атмосферные явления», «атмосферные осадки и смежные явления», «разновидности ветра» и многозначность, выходящую за пределы этих семантических полей.

АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

- 'ясная погода зимой' $\sim$ 'холод, мороз' ^{6} : тур., аз., кум., узб., кирг. *ајаz*; эта многозначность локализована географически и является общей **инновацией** (рис. 1) ^{7} .

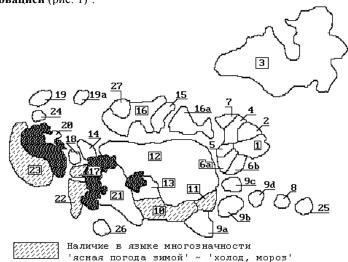

Рис. 1. Многозначность 'ясная погода зимой' ~ 'холод, мороз'

⁶ Подробный анализ семантических оппозиций см. ниже в соответствующих разделах.

⁷ Здесь и далее на картах номерами обозначены тюркские языки в следующем порядке: 1. тувинский; 2. тофаларский; 3. якутский; 4. хакасский; 5. шорский; 6. алтайский; 7. чулымский; 8. сарыг-югурский; 9. уйгурский; 10. узбекский; 11. киргизский; 12. казахский; 13. каракалпакский; 14. ногайский; 15. башкирский; 16. татарский; 17. кумыкский; 18. балкарский; 19. караимский; 20. крымскотатарский; 21. туркменский; 22. азербайджанский; 23. турецкий; 24. гагаузский; 25. саларский; 26. халаджский; 27. чувашский.

- 'холод, мороз' ~ 'лед': aз. don. Эта многозначность представлена лишь в азербайджанском языке, и является инновацией.
- 'холод, мороз' ~ 'прохлада': хал. buz; тат. salqən; башк. halqən; узб. sovuk. За исключением географически близких татарского и башкирского, эта многозначность представлена в этимологически неродственных словах. Поэтому представляется, что в современных тюркских языках она является скорее инновацией.
- 'жара' $\sim$ 'тепло': як. *itii*; тур. *sycak*; аз. *isti*; хал. *hissi*; кум. *issi*. Эта многозначность представлена у рефлексов одного и того же ПТю слова⁸ *istig, *ystyg в географически далеких и неблизкородственных языках. Поэтому, вероятно, она является архаизмом.

АТМОСФЕРНЫЕ ОСАДКИ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

- 'иней' $\sim$ 'poca': хак. arcy, хал. ayraw, турк. $cy:\gamma$. Поскольку эта многозначность представлена у этимологически не связанных между собой слов, то она, вероятно, является инновацией.
- '**первый снег, пороша**' ~ '**сугроб**': турк. *qуграq*. Эта многозначность представлена только в туркменском языке и является **инновацией**.
- 'иней' ~ 'изморозь': чув. pas, tăm; як. qyrya, čeŋ, тув. xyra; хак. xro; тур. kırağı; аз. Gyrow; турк. Gyraw, bulduručyn; кум. qyraw, buyaq; тат. buaq, bäs, čas; ног., ккалп. qyraw; кирг. buyaq; узб. bulduriq; уйг. qija. Как видно, эта многозначность представлена в большинстве тюркских языков. Она явно не может быть локализована географически и является архаизмом. Поэтому мы полностью согласны с Л.С.Левитской, которая восстанавливает для общетюркского слова *qyrayu многозначность "иней, изморозь". Когда в тюркских языках появляются новые слова, описывающие эти явления, они подстраиваются под систему и приобретают аналогичную многозначность 9.
- **'град'** $\sim$ **'лед'**: чув., кар., кум., тат., башк. *buz*. Эта многозначность, видимо, **архаизм**, потому что представлена в неблизкородственных языках.

РАЗНОВИДНОСТИ ВЕТРА

- 'ветер' $\sim$ 'вихрь' $\sim$ 'вьюга, метель' 10: чув. śil. Эта многозначность представлена только в чувашском языке и является инновацией.

– **'выога, метель'** ~ **'поземка'**: турк. *syryyn*; кум. *boran*; ккалп. *ürgün*.

 $^{^{8}}$ За исключением турецкого языка, в котором появляется новое слово, которое, вероятно, вторично встраивается в систему, не различающую жару и тепло.

⁹ В русском языке: *иней*: водяные кристаллы, образующиеся на поверхности земли и поверхностях предметов в ясную погоду, *изморозь*: водяные кристаллы, образующиеся на тонких и длинных предметах при тумане"). – *Прим. ред*.

¹⁰ Имеется в виду ветер со снегопадом. – *Прим. ред.*

Эта многозначность представлена у этимологически неродственных слов и, вероятно, является инновацией.

— **'вихрь'** ~ **'вьюга'**: тат. *buran*; кирг. *alaqajyr*; алт. *šuurgan*. Эта многозначность представлена у этимологически неродственных слов и, вероятно, является **инновацией**.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ, ВЫХОДЯЩАЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ ОДНОГО ИЗ ВЫШЕПЕРЕЧИСЛЕННЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

- **'холод, мороз'** ~ **'иней'** ~ **'изморозь'**: чув. *tăт*. Такая многозначность из тюркских языков наблюдается лишь в чувашском. Поскольку чувашский отделился раньше всех тюркских языков, то эта многозначность может быть как иновацией, так и архаизмом.
- **'прохлада'** ~ **'ветер'**: кирг. *salkyn*. Эта многозначность представлена только в киргизском языке и является **инновацией**.

Как видно, в большинстве случаев многозначность слова локализована в пределах одного из семантических полей "атмосферные явления", "атмосферные осадки" и "разновидности ветра".

В рассмотренном материале явно наблюдается следующая тенденция: инновационная многозначность связана с географическим распространением языков. Синкретичное описание явлений, связанных с холодом, представлено, в основном¹¹, в южных языках, например, 'ясная погода зимой, холод, мороз': тур., аз., кум., узб.; 'холод, мороз, лед': аз.; 'первый снег, пороша, сугроб': турк.; 'вьюга, метель, поземка': турк.; кум.; ккалп.

Сохранение архаической многозначности, напротив, никак не связано с географией распространения языков, например, 'жара, тепло': як., тур., аз., хал., кум; 'иней, изморозь': чув.; як., тув.; хак.; тур.; аз.; турк.; кум.; тат.; ног., ккалп.; кирг.; узб.; уйг; 'град, лед': чув., кар., кум., тат., башк.

II. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ НАЗВАНИЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И АНАЛИЗ ГЕНЕЗИСА СИСТЕМ НАЗВАНИЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

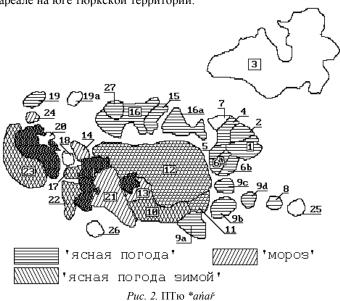
'Ясная погода': ПТю * $a\acute{n}a\check{r}^{12}$

В работах Левитская 1997и EDAL для пратюркского слова восстанавливаются два значения: 'ясная погода' и 'мороз'. Однако на основе аре-

¹¹ Это, конечно, лишь тенденция, имеется ряд исключений. Например, 'холод, мороз, иней, изморозь' синкретично описываются в чувашском, 'вихрь, вьюга' в татарском, киргизском, алтайском языках.

¹² Для этого слова мы принимаем реконструкцию авторов EDAL 1526, которые реконструируют инлаутное * $\acute{n}$, а не * $\acute{j}$, поскольку в эту этимологию также сравнивается турк. *аŋzaq* 'мороз, холод, стужа' см. ЭСТЯ I, 102–103.

ального распределения значений у рефлексов этого слова мы пришли к выводу, что значения 'мороз' и 'ясная погода зимой' присутствуют лишь у рефлексов этого слова в языках, расположенных в связном географическом ареале на юге тюркской территории.

Наоборот, значение 'ясная погода' представлено у рефлексов слова *ańař в языках, ареал распространения которых можно охарактеризовать как подковообразный, что в ареалогии принято считать признаком

архаического явления (Бородина 1980, 32-33; рис.2). Объяснить подобное развитие семантики рефлексов слова *ańař в языках, расположенных на юге, легко. Видимо, та ясная погода, которая была на прародине тюрков (Саяны; Ордос?) нейтральной по температуре, у носителей турецкого, азербайджанского и других южных языков ассоцииро-

Можно предположить, что развитие значение 'ясная погода' > 'ясная погода зимой' > 'холод, мороз' у рефлексов слова *ańař имело место достаточно поздно. По карте можно видеть, что это изменение произошло в языковом ареале, определенном именно географически, а не генетически. Например, из северо-западных языков изменение значения представлено в кумыкском и казахском, и не представлено в более северных татарском и башкирском языках.

Таким образом, в большинстве южных языков рефлексы слова *ańař стали описывать 'зимнюю ясную погоду, мороз'. А место в системе для

74

валась с холодной, зимней погодой.

описания просто 'ясной погоды' осталось вакантным. Тогда в этих языках появляется новое слово для описания этого метеорологического явления: рефлексы ПТю *ačik 'открытый'.

'Жара': *ystyg / *istig¹³, 'тепло': *jyly-g

В Левитская 1997 реконструируются обозначения 'жары' ПТю *ystyg/*istig и 'теплой погоды' ПТю *jyly-g. Но по данным словарей современных тюркских языков выяснилось, что в некоторых из них рефлексы слова ПТю *ystyg / *istig описывают понятия 'жаркий' и 'теплый' одновременно: якутский: itī 'жаркий, теплый', азербайджанский: isti 'жаркий, теплый', халаджский: hissi 'жаркий, теплый', кумыкский: issi 'жаркий, теплый', узбекский: issiq 'жаркий, теплый', уйгурский: yssyq 'жаркий, теплый'. Чем же является эта полисемия, архаизмом или иновацией? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы решили подробно исследовать предметную сочетаемость рефлексов этих слов в современных тюркских языках. Для анализа предметной сочетаемости мы воспользовались анкетой, составленной, в основном, по статье Копчевская-Тамм, Рахилина 1999. Авторы этой статьи специально выделяют определенные разновидности горячих и теплых предметов (предметы, температуру которых можно проверить на ощупь, климат, жидкости, одежда и т.д.):

горячий песок, горячий асфальт, горячая сковородка горячая ванна горячий пар горячий суп, горячий кофе, горячая вода жаркий климат, жаркая пустыня, жаркая саванна, жаркий город, жаркое лето, жаркий вечер жаркое солнце жаркий огонь теплый свитер, теплая постель

Носители следующих современных тюркских языков любезно согласились заполнить предложенные им анкеты, за что хочется выразить им глубокую благодарность:

теплая вода в море, теплый дождь, теплая погода весной

Татарский (Садыкова Аида Гумеровна) Татарский мишарский (Сулейманова Алсу) Казахский (Тадинова Роза Абдуманаповна)

 $^{^{13}}$ В этом слове мы считаем нужным изменить реконструкцию *ysyg/* isig, предложенную Л.С.Левитской, и реконструировать *ystyg/* istig на следующем основании: в якутском языке представлен рефлекс ПТю *s> як. t, который возникает в конце слова или на морфемной границе, в ряде тюркских языков (тур., турк., кар. и т.д.) внутри слова наблюдается инлаутный кластер -ss-, в аз. -st-, который может быть рефлексом ПТю *st-, а не *st-.

Узбекский язык (Тадинова Роза Абдуманаповна) Тувинский (Серен Полина Сергеевна) Хакасский (Кыржинакова Эльвира) Азербайджанский Чувашский (Дегтярев Геннадий) Турецкий (Озгюр Юджель) Алтайский (Тыдыкова Надежда)

В этой выборке из каждой дочерней семьи тюркских языков представлен хотя бы один язык: северо-восточные: тувинский, хакасский, северо-западные: татарский, казахский, юго-западные: турецкий, азербайджанский, юго-восточные: узбекский, алтайский, булгарские: чувашский.

В результате проведенного анализа были получены следующие результаты:

- 1) Горячие предметы, температура которых может быть определена на ощупь, вероятно, в общетюркском языке (без чувашского) описывались с помощью *ystyg / *istig. Рефлексы этого термина сохранили свое значение 'горячие на ощупь предметы' в большинстве тюркских языков, кроме татарского, турецкого и чувашского. Турецкий язык кажется нерелевантным для реконструкции общетюркского названия горячего, поскольку в нем в этом значении представлено новое слово sicak, которое, очевидно, является инновацией. В татарском языке для описания горячих на ощупь предметов используются рефлексы пратюрского *qajnar 'кипящий', что тоже является инновацией. Тот факт, что рефлексы *ystyg / *istig в чувашском языке имеют лишь значение 'теплый', а не 'горячий', не позволяет нам реконструировать пратюркское обозначение 'горячего', поэтому можно лишь утверждать, что *ystyg / *istig описывало 'горячие на ощупь предметы' на общетюркском уровне. См. табл. 1 на с. 77.
- 2) Горячие жидкости и пар описываются в современных тюркских языках несколько по-другому, чем горячие на ощупь предметы. А именно в татарском, азербайджанском и частично в узбекском языках они описываются с помощью рефлексов ПТю *qajnar 'кипящий'. Очевидно, что это не является общей инновацией, поскольку рассматриваемые языки принадлежат к разным дочерним семьям тюркских языков, а носители их не живут в контактной зоне. Наоборот, рефлексы *ystyg / *istig описывают горячие жидкости и пар в казахском, тувинском, хакасском, алтайском и частично узбекском языках, и представляется, что этот факт может быть проинтерпретирован как контактная инновация. Поэтому мы предполагаем, что в общетюркском языке горячие жидкости и пар описывались с помощью рефлексов слова *qajnar, которое затем во многих северных тюркских языках было в значении 'горячий о жидкости' вытеснено рефлексами *ystyg/*istig. См. табл. 2 на с. 77.

Таблица 1

Язык Значение	Тат.	Тат. (миш.)	Каз.	Аз.	Тур.	Узб.	Тув.	Хак.	Алт.	чув.
горячий песок	<u>kizgan</u> <u>kom</u>	<u>kaynar</u> <u>kom</u>	ystyq qum	isti qum/ odlu/qay- nar qum	<u>sıcak</u> <u>kum</u>	issiq qum	изиг элезин	ізіг хум	izü kumak	<u>вёри хайар</u>
горячий асфальт	<u>kaynar</u> <u>asfalt</u>	<u>kaynar</u> <u>asfalt</u>	ystyq asfal't	isti asfalt/ odlu asfalt	<u>sıcak</u> <u>asfalt</u>	issiq asfal't	изиг асфальт		izü asfalt	<u>вёри</u> <u>асфальт</u>
горячая сковорода	<u>kaynar</u> <u>taba</u>	<u>kaynar</u> taba	ystyq taba	isti tava	<u>sıcak</u> <u>tava</u>	issiq tava	изиг сковорода	ізіг скабра	izü skovoroda	вёри çатма
горячая ванна	<u>kaynar</u> wanna	<u>kaynar</u> <u>wanna</u>	ystyq vanna	isti vanna	<u>sıcak</u> banyo	issiq vanna	изиг ванна		izü vanna	<u>вёри ванна</u>

Таблица 2

Язык Значение	Тат.	Тат. (миш.)	Каз.	Азер.	Тур.	Узб.	Тув.	Хак.	Алт.	чув.
горячий пар	esse par	<u>кайнар</u> <u>пар</u>	ystyq bu	<u>qaynar</u> buğ	<u>sıcak</u> <u>buğu</u>	issiq buğ	изиг бус	ізіг оор	izü buu	<u>вĕри</u> <u>năc</u>
горячий суп	kaynar ash	<u>кайнар</u> <u>аш</u>	ystyq sorpa	<u>qaynar</u> <u>şorva</u>	<u>sıcak</u> çorba	issiq şo'rva	изиг быдаа	ізіг ўгре	izü sup	<u>вёри</u> яшка
горячий кофе	<u>kaynar kofe</u>	<u>кайнар</u> <u>кофе</u>	ystyq kofe	<u>qaynar</u> <u>qähvä</u>	<u>sıcak</u> <u>kahve</u>	<u>qajnoq</u> <u>kofe</u>	изиг кофе		izü kofe	<u>вĕри</u> кофе
горячая вода	kaynar/esse su	<u>кайнар</u> <u>су</u>	ystyq su	<u>qaynar</u> <u>su</u>	<u>sıcak</u> <u>su</u>	<u>qajnoq</u> <u>suv</u>	изиг суг	ізіг суғ	izü suu	<u>вĕри</u> шыв

Таблица 3

Язык Значение	Тат.	Тат. (миш.)	Каз.	Аз.	Тур.	Узб.	Тув.	Хак.	Алт.	чув.
жаркий климат	esse klimat	эссе климат	ystyq klimat	<u>härarätli</u> <u>iqlim</u>	<u>sıcak</u> <u>iklim</u>	issiq iqlim, issiq havo	изиг агаар		izü klimat	<u>шăрăх</u> <u>çанта-</u> <u>лăк</u>
жаркая пустыня	esse chul	эссе дала	ystyq şöl	odlu sähra	sıcak çöl	issiq cho'lu- biyobon, yazirama sahro			izü čōl	<u>шйрйх</u> пушхир
жаркая саванна	esse sawanna	эссе саванна	ystyq savanna	<u>qaynar</u> savanna	<u>sıcak</u> savan	issiq savanna	изиг саванна		izü savanna	<u>шăрăх</u> саванна
жаркий город	esse sheher	эссе шәһәр	ystyq qala	isti şähär	sıcak şehir		изиг хоорай		izü gorod	<u>шăрăх</u> <u>хула</u>
жаркое лето	esse jay	эссе жәй	ystyq žaz	isti yay	sıcak yaz	issiq joz	изиг чай	ізіг чайђы	izü jaū	<u>шăрăх</u> <u>çy</u>
жаркий вечер	esse kich	эссе кич	şyžyğan keş	isti axşam	<u>bu</u> akşam sıcak	issiq oqşom	изиг кежээ	ізіг иир		<u>шăрăх</u> <u>каç</u>

Таблица 4

Язык Значение	Тат.	Тат. (миш.)	Каз.	Аз.	Тур.	Узб.	Тув.	Хак.	Алт.	чув.
жаркое	esse koyash	<u>кайнар</u>	<u>şyžyğan</u>	<u>coşqun</u>	<u>sıcak</u>	issiq	изиг хун	ізіг кўн	izü	<u>хĕрü</u>
солнце		кояш	<u>kün</u>	günäş	<u>hava</u>	quyoş			kün	<u>хĕвел</u>
жаркий	kaynar yalkin	кайнар	<u>syžy</u> ğan ot	<u>qızğın</u>	<u>sıcak</u>	issiq olov	изиг от	ізіг öрт	izü	хĕрü вут
огонь		<u>ym</u>		alov	<u>ateş</u>			(om)	ot	

Таблица 5

Язык Значение	Тат.	Тат. (миш.)	Каз.	Аз.	Тур.	Узб.	Тув.	Хак.	Алт.	чув.
теплый свитер	jili sviter	жылы свитер	žyly sviter	<u>isti</u> sviter	kalın kazak	<u>issiq</u> svitr	чылыг свитер	чылыђ свитер	jylu sviter	<u> </u>
теплая постель	jili urin-jir	жылы ятак	žyly tösek	ilıq döşäk	rahat yatak	<u>issiq</u> <u>o'rin</u>	чылыг постель	чылыђ тöзек	jylu tönsok	<u> </u>

Таблица 6

Язык Значение	Тат.	Тат. (миш.)	Каз.	Аз.	Тур.	У зб.	Тув.	Хак.	Алт.	чув.
теплая	jili	диңгездәге	teŋızde	<u>dänizdä</u>	denizdeki	dengizdagi	далайда	чылыђ суђ	talajdagy	<u>тинёсри</u>
вода	dingez	жылы су	žyly su	<u>härarätli</u>	ılık su	iliq suv	чылыг	талайда	jylu suu	<u> </u>
в море	sui			<u>su</u>			суг			
теплый	jili	жылы	žyly	ilıq yağış	ılık	iliq yomğir	чылыг	чылыђ	jylu jaaš	<u>ăшă</u>
дождь	yangir	яңгыр	žambyr		yağmur		чаъс	наңмыр		<u>сумар</u>
теплая	yazgi	язгы жылы	köktemde	yazda ilıq	baharda	bahorning	чазын	чылыђ кўн	jasky jylu	<u>cypxu</u>
погода	jili	hава	aua rajy	hava	ılık hava	iliq havosi	чылыг		$k\bar{u}p$	<u>ăuă</u>
весной	hawa		žyly				агаар			<u> çанталăк</u>

- 3) 'Жаркий' (о погоде, климате), вероятно, в общетюркском языке обозначался с помощью рефлексов *ystyg / *istig. Инновационные обозначения встречаются лишь в азербайджанском языке, в казахском языке (только 'жаркий вечер'), в турецком и чувашском языках, в последних двух языках, как уже отмечалось выше, в связи с полным выпадением из обозначений 'горячего' рефлексов *ystyg / *istig. См. табл. 3 на с. 78.
- 4) В общетюркском языке 'жаркое солнце' и 'огонь' описывались, вероятно, с помощью рефлексов *ystyg / *istig, поскольку такое их употребление представлено в татарском, узбекском, тувинском, хакасском и алтайском языках и не может быть объяснено контактной или генетической инновацией. Однако оказывается, что во многих современных тюркских языках 'жаркое солнце' и 'жаркий огонь' описываются с помощью других терминов, употребление которых в таком значении является инновацией. Интересно отметить, что из всех проанализированных нами 'горячих', 'жарких' и 'теплых' предметов, описание 'жаркого солнца' и 'огня' оказалось наиболее подверженным появлению инновационных обозначений. См. табл. 4 на с. 78.
- 5) 'Теплая одежда' и 'постель' это единственная семантическая группа, для которой мы можем предположительно реконструировать пратюркское (а не общетюркское) обозначение температуры: *ystyg/*istig. В данном случае чувашские примеры согласуются с данными азербайджанского и узбекского языков. Такое употребление не может быть объяснено как общая инновация. Употребление рефлексов *jyly-g в принципе возможно про-интерпретировать как общую контактную инновацию. См. табл. 5 на с. 79.
- 6) Для описания 'теплого климата', 'воды' для общетюркского языка однозначно реконструируется *jyly-g, рефлексы которого не сохранились в этом значении только в чувашском и, при описании теплой воды в море, в азербайджанском языке. См. таблицу 6 на с. 79.

Представляется, что система общетюркских обозначений 'теплого' и 'горячего' выглядела следующим образом:

Таблица 7

ОТю *ystyg / *istig	ОТю *qajnar	OTю *jyly-g
'горячие на ощупь пред-	'горячая кипящая	'теплый (о климате)'
меты',	жидкость и пар'	
'жаркий (о погоде)'		
'горячее солнце, огонь'		
'теплый (об одежде)'		

Другие обозначения горячих, жарких и теплых предметов, встретившиеся в современных тюркских языках, являются инновациями и в таком значении не должны восстанавливаться для общетюркского уровня.

Для пратюркского уровня, как уже было сказано выше, восстанавливается лишь *ystyg / *istig в значении 'теплый об одежде'.

'Холод, прохлада': *sogyk, 'мороз': *doŋ

Эта семантическая группа — одна из самых интересных среди тюркских названий климата. Во-первых, уже для пратюркского уровня восстанавливаются два названия, во-вторых, в отличие от, например, русского и большинства европейских языков лексема *sogyk описывает и 'холодную', и 'прохладную' погоду. Однако, хочется сразу отметить, что подробный анализ предметной сочетаемости термина *sogyk не дает столь интересных результатов, как вышеприведенное описание сочетаемости ПТю *ystyg / *istig. После опроса носителей языка, оказалось, что в словарях современных тюркских языков дана достаточно объективная картина сочетаемости рефлексов слова *sogyk. Поэтому описание семантики обозначений 'прохлады' и 'холода' сделано несколько по-другому, чем анализ семантики 'жары' и 'тепла'. В этом разделе мы постарались привлечь материал всех тюркских языков, а не только тех, по которым проводилось анкетирование. Наибольший результат дал картографический анализ собранного материала (см. ниже).

Сначала обратимся к семантической разнице между неполными синонимами *don и *sogyk. Семантическая разница двух лексем в праязыке может быть восстановлена лишь при сравнении семантики их рефлексов в современных языках.

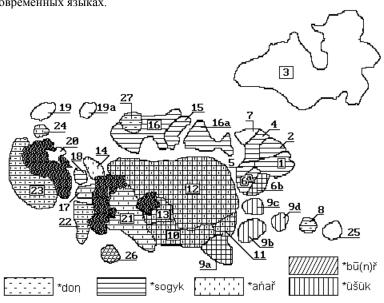

Рис. 3. 'Холод, мороз'

Как видно по карте, рефлексы *doŋ лишь в трех современных тюркских языках описывают 'холодную погоду' (в турецком, азербайджанском и чувашском). Наоборот, рефлексы *sogyk в большинстве тюркских языков являются употребительными обозначениями 'холодной погоды'.

Отметим, что в тех трех языках (в турецком, азербайджанском и чувашском), где холодная погода описывается с помощью рефлексов *don, представлены и рефлексы *sogyk. Попробуем проследить семантическую разницу в этих языках между рефлексами *sogyk и *don.

В чувашском языке рефлекс *doŋ имеют значение 'заморозок, иней, изморозь, мороз' (ср. tăm ilter 'обморозиться'; xălxana iltertěm 'я отморозил уши'; pite tăm ilne 'щеки прихватило морозом'; kalčaka tăm tivně 'посевы повредило заморозками'; jămra śine šaptam ükně 'ветла белым-бела от инея'), рефлекс *sogyk гораздо более употребительное слово, это 'холодный' в прямом и переносном смысле (ср. xajar sivě 'лютая стужа'; šartlama sivě 'трескучий мороз'; sivě apat 'остывшая пища, холодные закуски'; sivě kun 'холодный, морозный день'; sivě śantalāk 'холодная морозная погода'; ujra sivě 'в поле холодно'; sire sivě mar-i? 'вам не холодно'; pülěme sivě kěret 'в комнату проникает холод'; sivě tărat' 'стоит морозная погода'; kalčaka sivě tivně 'посевы прихватило морозом'; sivěpe šănsa хут 'закоченеть от холода'; čun sivvi 'неприязненное отношение'; sivě săn-pit 'холодное выражение лица'; sivě kuśpa păx 'смотреть неприветливо'; äšă sămax śu kuně, sivě sămax – xěl kuně 'ласковое слово, что летний день, неласковое – что зимний день').

В турецком языке рефлексы *don имеют значения 'мороз, стужа, холод, морозная погода, покрываться льдом' (ср. dona çekmek 'ударить о морозах'; don(lar) çözül- 'растаять (о льдах)'; don havasi 'морозная погода'; don tutmak 'покрываться льдом'; testi don tuttu 'вода в кувшине замерзла'; don ekinlere zarar verdi 'мороз повредил посевы'), а рефлекс *sogyk описывает холодную погоду, холод, стужу ('холодный' не только о зиме), 'холодный' в переносном значении (ср. soğuk iklim 'холодный климат', soğuk bir adam 'холодный человек', soğuk bir muamele 'холодное обхождение', soğuk bir söz 'холодные слова', soğuk harp 'холодная война'), активно участвует в словообразовании (ср. soğukalın 'холодный фронт', soğukkanlılık 'хладнокровие', soğuklama 'простуда', soğukluk 'холод, стужа'.)

В азербайджанском языке рефлекс *don имеет значение 'мороз, заморозки' (ср. don vurmag 'подмерзнуть'), а рефлекс *sogyk — значение 'холод, холодный' (ср. sojug almag, sojug tutmag 'простудиться', sojug арагтаg 'быть отмороженным', sojug dəjmək 'простудиться', sojug düšmək 'наступить холодам', sojug čəkmək 'переносить холод'). В отличие от *don

*sogyk активно участвует в словообразовании (ср. sojugganlı 'хладнокровный', sojugdəjmə 'простуда, инфлуэнца', sojuglug 'холодность (во взаимоотношениях), халатность, нерадение, холод').

Как видно из семантической разницы между рефлексами *sogyk и *doŋ в современных тюркских языках, в праязыке *doŋ описывал мороз, заморозки, стужу зимой, а *sogyk был общим обозначением для холода ^{14} не только зимой, но и в любое другое время года, а также использовался в значении 'холодный' не только при описании погоды.

Теперь обратимся к уточнению семантики *sogyk. Как уже было сказано выше, мы предполагаем, что это слово в пратюркском описывает и холодную, и прохладную погоду, то есть является * «макрохолодным».

В толковании слов 'прохладный' и 'холодный' мы следуем концепции, предложенной в работе Копчевская-Тамм, Рахилина 1999. Там отмечается, что русское жаркий подразумевает специальный источник тепла, излучающий его в сильной степени, которая воспринимается через воздух, так что человек воспринимает это тепло как лишнее, некомфортное. Русское же теплый истолковано как «соответствующий температуре человеческого тела или поддерживающий его температуру, и потому создающий человеку приятное ощущение комфорта». Итак, ключевым при толковании этих слов является тот факт, что жаркий – это некомфортная температура, теплый – комфортная. Этот же принцип мы предлагаем перенести и на толкование слов холодный, прохладный, то есть холодный описывает некомфортную для человека температуру, а прохладный – комфортную.

В большинстве европейских языков, насколько нам известно, эти семантические области описываются разными лексемами. Мы предполагаем, что пратюркская система названий метеорологических явлений была принципиально иной. Две семантемы ('холодный' и 'прохладный') описывались одним словом *sogyk.

Попробуем рассмотреть, какие данные свидетельствуют в пользу этого вывода.

На вышеприведенной карте по обозначениям холода и мороза видно, что *sogyk безусловно является праязыковым обозначением холода.

Рассмотрим названия 'прохладной погоды':

 $^{^{14}}$ Мы постараемся показать ниже, что *sogyk описывал не только 'холод', но и 'прохладную погоду'.

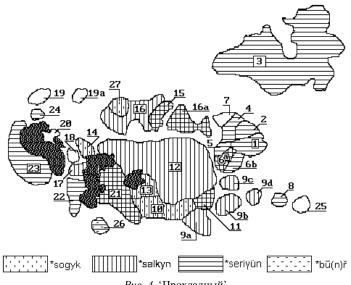

Рис. 4. 'Прохладный'

Как видно по этой карте, значение 'прохладный' для слова *sogyk также должно реконструироваться для пратюркского языка. Оно представлено у рефлексов этой лексемы в чувашском и в других географически удаленных друг от друга и неблизкородственных языках.

Интересно отметить, что многозначность 'холодный, прохладный' сохранилась у рефлексов слова *sogyk лишь в узбекском языке (ср. узб. sovuk 'холодный, морозный, свежий о погоде, холодно, свежо, прохладно, холод, мороз, неприятный, неприглядный, непривлекательный, отталкивающий, антипатичный, холодный, сухой, грубый', например, sovuk kunlar 'морозные дни', ujning sovuqligiga qaramaj, u kojlakčan otirar 'несмотря на то, что в комнате было прохладно, он сидел в одной рубашке'). Однако, как было показано выше при разборе многозначности в современных тюркских языках, новые обозначения 'холода' и 'прохлады' (хал. buz; тат. salkyn; башк. halkyn) приобретают ту же многозначность. Как было сказано выше, эта многозначность должна быть признана инновацией, возникновение которой обусловлено встраиванием новых названий в систему обозначений 'холода' и 'прохлады', унаследованную из пратюркского языка.

Однако, как можно видеть, подобная система с одним словом для описания холодной и прохладной погоды не была стабильной, и в большинстве языков-потомков она подверглась разрушению.

Интересно проследить, каким именно образом происходила перестройка пратюрской системы с «макрохолодным» в системы современных тюркских языков, которые в большинстве своем различают эти два понятия.

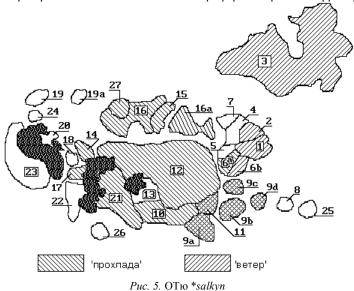
Как видно по картам названий 'холодного' и 'прохладного', рефлексы *sogyk в большинстве языков стали описывать холодную погоду. Помимо

этого названия в трех языках сохранились рефлексы пратюркской лексемы *dog для описания зимней стужи, мороза. В географически южных языках появилось также новое обозначение для холодной погоды, а именно: рефлексы ПТю $*a\acute{n}a\check{r}$ 'ясная погода'. Как было сказано выше, подобное семантическое развитие кажется легко объяснимым при перемещении носителей отдельных языков с территории прародины в области с более теплым климатом.

В замкнутом географическом ареале, располагающемся на юго-востоке и включающем юго-восточные, центрально-восточные и некоторые северозападные языки, появляется обозначение холода *üšük, образованное от глагольной основы *üšü-~*üši-^*üši- 'замерзать', о которой см. ЭСТЯ 1974, 644–645.

В значении 'прохладный' рефлексы *sogyk сохранились в значительно меньшем числе языков (по сравнению со значением 'холодный'). Как видно по карте, его вытесняли рефлексы монгольских заимствований *salkyn и *seriyün. На каком языковом уровне были заимствованы эти слова?

Л.С.Левитская предполагает, что *salkyn было заимствовано в пратюркский язык. Но если обратить внимание на географическое распространение рефлексов *salkyn в тюркских языках (рис. 4), то можно видеть, что они представлены в четко очерченном центральном ареале. Это может указывать на более поздний характер заимствования *salkyn. Интересно, что ряд рефлексов *salkyn в тюркских языках имеют значение 'ветер' (подробно см. ниже в разделе «Ветер»). На нижеприведенной карте отражено распределение семантики рефлексов *salkyn; для значения «ветер» характерно расположение по восточной периферии тюркской территории.

85

Помимо *salkyn, в тюркских языках появляется и второе новое обозначение для 'прохладного' — это ср.-кыпч. serövün; вост.-тюрк. sirin, sirün; тур., гаг. serin, аз. särin; турк. serin, sergin; кбалк. seriwün; тат. särən; кирг., алт. serü:n; уйг. sürün; уйг.диал. sörün; хак. sörön, хак.саг. siren, шор. seron, тув., тоф. seri:n; як. seri:n, sörün. Это, вероятно, среднемонгольское заимстование (XIII—XIV вв.).

'Лед, град': *bū(n)ř

Как видно из названия этой группы, мы предполагаем, что в данном случае опять речь идет о «макротермине» на пратюркском уровне.

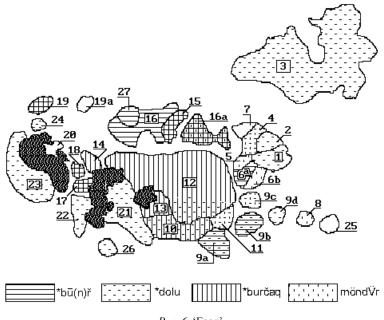
Рефлексы ПТю $*b\bar{u}(n)\check{r}$ практически во всех тюркских языках, за исключением небольшой географически локализованной группы (тувинский, тофаларский и алтайский языки), описывают 'лед', поэтому это значение не может быть инновацией для ПТю.

Предположение о том, что значение 'град' у некоторых рефлексов этого слова — это инновация, также не выдерживает критики. Во-первых, рефлекс слова $*b\bar{u}(n)\check{r}$ является единственным названием 'града' в чувашском, наиболее рано отделившимся из тюркских языков, а также в ряде северо-западных языков. Во-вторых, по данным алтайской этимологии (ср. EDAL 1333) для праалтайского этимона этого слова следует реконструировать, скорее, значение 'град': $\Pi A *mi\bar{u}li$: $\Pi Tю *b\bar{u}(n)\check{r}$; $\Pi Mohr. *miols\bar{u}, *mol-d\bar{u}r$ 'лед, град', $\Pi Kop *murui$ 'град', $\Pi Rin *minsa-ra-$ 'идти (о дожде со снегом), мокрый снег, дождь со снегом'.

Мы предполагаем, что в ПТю языке лед и град описывались одним термином $*b\bar{u}(n)\check{r}$. Но если значение 'лед' у рефлексов этого слова сохраняется достаточно стабильно и лишь в некоторых северо-восточных языках (тувинском, тофаларском и алтайском) было вытеснено рефлексами ПТю $*to\check{s}$ 'наледь', то в качестве названия града рефлексы этого слова сохранились лишь в чувашском и некоторых северо-западных языках. Вероятно, ПТю система с одним обозначением для льда и града оказалась нестабильной, и в большинстве тюркских языков появились разнообразные новые обозначения града.

'Град'

Как видно по карте, наиболее распространенными обозначениями града в тюркских языках являются рефлексы *dolu. Эта лексема надежно реконструируется как общетюркское название 'града'. Постараемся выяснить соотношение семантики *dolu и $*b\bar{u}(n)\check{r}$ на пратюркском уровне. Теоретически можно предположить две возможности хронологии развития семантики этого слова: 1) Значение 'град' появляется еще на пратюркском уровне, но рефлексы *dolu случайным образом не сохраняются в

Рис. 6. 'Град'

чувашском языке. Следовательно, для пратюркского уровня должны восстанавливаться два термина $*b\bar{u}(n)\check{r}$ 'лед, град' и *dolu 'град'. 2) На пратюркском уровне *dolu сохранило унаследованное из праалтайского не слишком определенное значение 'вид осадков', а $*b\bar{u}(n)\check{r}$ 'лед, град' описывало лед и град. В этом случае либо на общетюркском уровне все-таки приходится предполагать существование двух параллельных названий для 'града' $*b\bar{u}(n)\check{r}$ и *dolu, либо думать, что значение 'лед, град' сохранилось у рефлексов $*b\bar{u}(n)\check{r}$ только в чувашском языке, а в других тюркских языках его рефлексы стали описывать 'лед'. Затем, позже, многозначность 'лед, град' была заимствована в некоторые северо-западные языки.

Позже в отдельных географических ареалах (см. на карте) появляются новые дополнительные слова для описания града: *burčak и möndür. Ареальный характер монгольского заимствования möndür отмечала в своей работе и Л.С.Левитская. Что касается лексемы *burčak со значением 'град', ее принято считать семантическим производным от *burčak 'горох, горошина'; однако не исключено, что это народная этимология, а в действительности здесь мы имеем дело с уменьшительным на -čak от *b $\bar{u}(n)$ r, со стандартным развитием кластера по «правилу Хелимского» (предложено А.В.Дыбо). По распространению слово представляет собой практиче-

ски точную кыпчакскую инновацию, не будучи зафиксировано только в литературном татарском, где сохранена (или вновь наведена булгарскими контактами) многозначность $*b\bar{u}(n)\dot{r}$ 'лед, град'. Подчеркнем, что это именно инновация генетической группы, а не ареальная: ареал распространения слишком разрывный. По-видимому, таким же уменьшительным от $*b\bar{u}(n)\dot{r}$ является туркм. буржы 'изморозь', где озвончение в кластере обусловлено первичной долготой гласного – см. СИГТЯ 2002, 111.

Ветер: *јеl

Для пратюркского языка надежно восстанавливается обозначение 'ветра' *jel, рефлексы которого сохранились в исконном значении практически во всех современных тюркских языках за исключением якутского, тувинского, тофаларского и шорского. Как видно, языки, в которых произошло изменение значения у рефлекса *jel, представляют восточный край тюркской территории, претерпевавший поздние контакты с монголами. В этих языках представлены в значении 'ветер' рефлексы монгольского заимствования *salqyn, которое уже было рассмотрено выше в разделе «холод, прохлада». В якутском, в частности, наблюдается «усиление» значения исконного слова: cunnu 'буря' <*jel-leg, при том, что на роль «основного» ветра приходит наименование «ветерка, дающего прохладу».

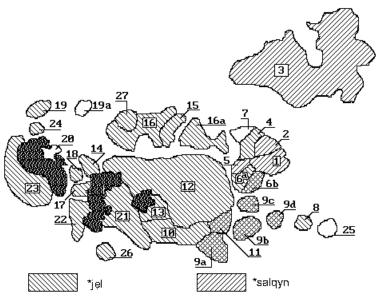

Рис. 7. 'Ветер'

'Вихрь': *Kasyrku, *tüge-le-

Реконструкция обозначения 'вихря' в пратюркском языке затруднена. Формы, входящие в этимологию *Kasyrku, фонетически разнятся, хотя, в общем, сводимы между собой при предположении табуистических метатез и морфонологических замен суффикса: крх.-уйг. qasyrqu (ДТС 430 – МК); ср.-кыпч. qasyrqa, qasarya, qasurqa; тур. qasyrya, гаг. saqyrya, аз. qasyrya; тат.диал. qazartqy; сюг. saqartqy, тув. qazyryy, тоф. qahsyryy; чув. kus arka. Чувашская форма, по-видимому, раннее кыпчакское заимствование: k вместо x в исконно заднерядном слове; отсутствует палатализация *s > s перед *y, обязательная для исконных слов.

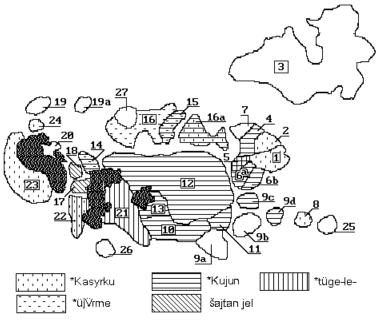

Рис. 8. 'Вихрь'

Как видно из заглавия этого раздела, вслед за авторами EDAL 2451 мы предполагаем существование второго названия 'вихря' в пратюркском языке: * $t\ddot{u}ge$ -le-, рефлексы которого сохранились в значении 'вихрь' в турк. $t\ddot{u}welej$; аз. $t\ddot{u}lex$; шор. $t\ddot{u}lek$.

Л.С.Левитская связывает турк. *tüwelej* с турк.диал. *tewrej*, турк.диал. *töwröj*; ккалп. *dübelej*; узб.диал. *dübüläj*. Однако, она не реконструирует для этого слова пратюркской формы, а предполагает, что оно является адаптацией персидского *divperi*, досл. 'дивы [и] пери'. Она указывает

также, на региональный характер *tüwelej*, которое попало, вероятно, в каракалпакский и узбекский языки из туркменского.

Примечательна и этимология Дж.Клосона (EDT 436a), согласно которой турк. *tüwelej* восходит к *tüwi* 'ветер' + -*lej*.

Мы согласны с Л.С.Левитской в том, что приведенные формы не сводятся к пратюркской (ср. инлаутный консонантизм). Вероятно, действительно, каракалпакские и узбекские формы заимствованы из туркменского языка.

Однако нам кажется более интересным предположение авторов EDAL о том, что турк. $t\ddot{u}$ welej не заимствовано из персидского языка, а генетически связано с азербайджанской и шорской формами¹⁵. Далее авторы словаря EDAL считают тюркскую форму рефлексом алтайской ПА $*t'\ddot{u}$ ge 'облако': $\Pi M *tuji$ -; $\Pi TM *tuge$ -.

Другие названия 'вихря', рефлексы которых представлены в современных тюркских языках, явно не являются пра- или общетюркскими. Наиболее древнее из них – *Kujun, которое представлено в нескольких дочерних семьях тюркских языков (в северо-восточных, северо-западных, центральных и юго-западных языках). Но по карте видно, что оно имеет явно ареальный характер, присущий заимствованиям периода монгольского завоевания. Л.С.Левитская анализирует в своей работе (Левитская 1997) различные гипотезы о происхождении этого слова.

По мнению В.И.Рассадина (подробнее см. ЭСТЯ), велика вероятность, что тюрк. *qujun* имеет монгольское происхождение. В тюркских языках – как в некоторых современных, так и в средневековых – оно носит терминологический характер, оставаясь изолированным словом. В монгольских языках, где оно является общемонгольским, это слово участвует в образовании множества производных от него основ.

М.Рясянен (Räs.VEWT 297b) также относил *qujun* к монголизмам. Г.Рамстедт (Ram.KWb 204a) предлагает сопоставление монг. *qui* с тюрк. *qujun* 'вихрь', видимо, считая их общими по происхождению. Н.Поппе (Pop.VGAS 67) восстанавливает для монгольских языков праформу *kuji 'вихрь, сильный ветер' и сравнивает ее с каз. и т.д. *qujun* 'вихрь' и с тел. *qujbur*- 'вихриться, кружиться', считая этот корень общеалтайским.

*ujV'rme образовано от глагола $ujur-\sim \breve{o}j\breve{o}r-$ 'вертеть, клубить, поднимать' (см., напр., тат. $\breve{o}j\bar{o}r-$ 'клубить', $\ddot{o}j\bar{o}r\bar{o}l-$ 'кружиться, вихриться', кум. $*ujr\bar{u}l-$ в составе $ujr\bar{u}l\ddot{u}p$ $g\ddot{o}terilgen$ jel 'вихрь') и представляет собой, так же, как и $s\ddot{o}jtan$ jel, ареальное новообразование.

 $^{^{15}}$ Ср. для шор. $t\bar{u}lek$ гипотезу Л.С.Левитской о производности от $t'\bar{u}l$ - 'сходить с ума, бесноваться', также семантически натянутую.

Лексемы 'облако' *bulut (*bulyt), 'дождь' *jag-, 'снег' *Кiār, 'сугроб' *Кört, 'иней, изморозь' *Кyragu реконструируются для пратюркского языка однозначно. Их рефлексы сохранились практически ¹⁶ во всех современных тюркских языках без изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа видно, что рефлексы пратюркских названий метеорологических явлений относительно хорошо сохраняются в современных тюркских языках. Появление практически всех новых метеорологических названий в дочерних семьях тюркских языков имело ареальный характер, который часто не зависел от генетической классификации языков. Например, рефлексы *ańař стали описывать 'мороз' в языках, географических расположенных на юге (в юго-западных, центральных, юго-восточных), а в северо-западных языках, географически расположенных более северно, его рефлексы сохранили прежнее значение 'ясная погода'. Появление нового названия hararet (арабское заимствование) для описания жаркой погоды в ряде юго-восточных и юго-западных языков также имело ареальный характер, не связанный с генетической классификацией. Количество таких примеров легко умножить, они проиллюстрированы на вышеприведенных картах. Наблюдаемая закономерность свидетельствует в пользу предположения о том, что появление практически всех новых метеорологических названий было сравнительно поздним, то есть уже после расселения тюркских народов на современных территориях их обитания.

Обращает на себя внимание то, что одни названия, например, 'град', 'мороз', 'вихрь', оказались более подвержены изменениям, чем другие, например, 'облако', 'дождь', 'снег', которые сохраняются практически без изменений на протяжении всей истории тюркских языков.

Скрываются ли за этими фактами какие-то причины изменения или сохранения тех или иных наименований? Мы попробуем рассмотреть возможные закономерности развития систем названий метеорологических явлений и описать механизм их появления и исчезновения. Конечно, предлагаемые ниже рассуждения должны расссматриваться лишь как предварительная гипотеза. Они постороены на весьма ограниченном материале тюркских языков. В дальнейшем кажется интересным верифицировать эти предположения с точки зрения лексической диахронической типологии на материале других языков мира.

¹⁶ Все остальные обозначения этих явлений в современных тюркских языках, это изолированнные новообразования и заимствования, представленные не более, чем в одном языке. Лишь для описания сугроба есть название представленное в трех контактных языках: ккалп. *omba* (*qar*) 'сугроб', каз *omba/omby qar* 'сугроб', ног. *omba* 'сугроб'. Оно явно имеет ареальный характер и не может претендовать на пратюркский статус.

Итак, по вышеприведенным картам видно, что наибольшее количество системных изменений, появления новых названий не в одном, а сразу в нескольких языках, произошло в наименованиях 'холода', 'прохлады', 'жары', 'града' и 'вихря'. Наоборот, наименования 'ясной погоды', 'тепла', 'льда', 'ветра', 'облака', 'дождя', 'снега', 'сугроба' относительно стабильно сохраняются на протяжении становления современных тюркских

Выше было показано, что для пратюркского языка восстанавливается ряд «макротерминов», то есть метеорологических названий, которые многозначны и описывают одновременно несколько явлений, обозначаемые в большинстве европейских языков, например, в русском, английском, немецком, разными словами. Это «макрогорячий», описывающий жаркую и теплую погоду, «макрохолодный», обозначающий холодную и прохладную температуру и «лед, град». Обратим внимание, что именно в системе этих названий и зафиксировано наибольшее количество изменений. Вероятно, такие «макротермины» не являются стабильными, и в языке подобная слишком широкая многозначность устраняется.

Можно также предполагать другую причину большого количества перестроек в системе названий того или иного метеорологического явления — это миграции носителей дочерних языков на территории, для которых рассматриваемое метеорологическое явление нехарактерно. Ср., например, развитие заимствованного названия вихря в восточных и западных тюркских языках.

Названия, подобные тюркским наименованиям 'облака', 'дождя', которые не столь полисемичны и описывают явления, известные на всей территории распространения тюркских языков, имеют хорошие шансы сохраниться и на следующем этапе развития языка.

Итак, если отбросить вторую, в некотором смысле, экстралингвитическую причину изменения систем (связь сохранения названия того или иного явления и его реального существования не территории распространения рассматриваемого языка), то видно, что, устраняя многозначные термины, языки стремятся к более дифференцированному наименованию метеорологических явлений.

Если бы действовал только этот механизм, то дочерние языки имели бы гораздо более богатую систему основных метеорологических названий, чем праязык. Но, интересно, что параллельно с устранением многозначных названий, действует механизм создания новых многозначных слов. Яркую иллюстрацию к действию этого механизма можно видеть в первом разделе настоящей работы, где собраны тюркские термины, описывающие сразу несколько метеорологических явлений, и показано, что эта многозначность в большинстве случаев является инновацией. Таким образом, механизмы появления и устранения многозначности в тюркских

названиях метеорологических явлений представляют собой наглядную картину единства и борьбы противоположностей.

Интересен еще вопрос, можно ли предсказать, в каком языке какая многозначность появится? На материале тюркских названий метеорологических явлений, как было показано в первом разделе настоящей работы, наблюдается следующая закономерность. Инновационная многозначность связана с распространением языков, например, синкретичное описание «холода» представлено, в основном, в более южных языках.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Алиев – Бориев – *Алиев А., Бориев К.* Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1929.

Алт. – Русско-алтайский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова. М., 1964.

Ашм. – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Вып. 1–17.

Бел. РТСл. – Беляев К.А. Русско-туркменский словарь. Асхабад, 1913.

Бородина 1980 – Взаимодействие лингвистических ареалов. Ленинград, 1980.

ДСАз – Диалектологический словарь азербайджанского языка. Баку, 1964.

ДСТ – Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.

ДСЯЯз – Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дыбо 1996 – *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (Плечевой пояс). М. 1996.

Каз.РС – Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. Нальчик, 1985

Кир.РСл. 1897 – Киргизско-русский словарь. Оренбург, 1897.

ККРС – Каракалпакско-русский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова. М., 1958.

Копчевская-Тамм, Рахилина 1999 — Копчевская-Тамм М., Рахилина Е.В. С самыми теплыми чувствами (по следам Сткгольмской экспедиции)/ Сборник научных статей к 60-летию А.Е.Кибрика. М., 1999.

КРПС – Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова, А.Зайончковского, С.М.Шапшала. М., 1974.

Кум.РС – Кумыкско-русский словарь / Под ред. З.З.Бамматова. М., 1969.

Левитская 1997 — *Левитская Л.С.* Метеорология /Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.

Магаз. – Магазаник Д.А. Турецко-русский словарь. М., 1940.

Мудрак 1994 — *Мудрак О.А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1994.

Мус. – Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

Мусаев 2006 — *Мусаев К.М.* Климат / Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.

Надж. УРСл. – Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.

Ног. – Русско-ногайский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова. М., 1956.

- Норманская 2005 *Норманская Ю.В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005.
- Норманская 2006 *Норманская Ю.В.* Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики / Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- НРС Ногайско-русский словарь. М., 1963.
- Пек. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. [Б.м.] 1959. Т. I-III (фототип).
- Пек. РЯС *Пекарский Э.К.* Краткий русско-якутский словарь. 2-е изд., доп. и исправ / Предисл. А.Н.Самойловича. Пг., 1916.
- Рахилина 2000 *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- РКаС Русско-казахский словарь / Под общей ред. Н.Т.Сауранбаева. М., 1954.
- РКиС Русско-киргизский словарь / Под ред. К.К.Юдахина. М., 1957.
- РТС Русско-туркменский словарь / Под общей ред. Н.А.Баскакова, М.Я.Хамзаева. М., 1956.
- РУС Русско-узбекский словарь / Под ред. Р.Абдурахманова. М., 1954.
- РХС Русско-хакасский словарь. М., 1961.
- РЯС Русско-якутский словарь / Под ред. П.С.Афанасьева и Л.Н.Харитонова. М., 1954.
- ТаРС Татарско-русский словарь. М., 1966.
- Тен. ССЮЯ Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
- Тен. ССЯ Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М., 1976.
- Тен. ТРС Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р.Тенишева. М., 1968.
- Толстой 1964 *Толстой Н.И.* О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. М., 1964, с. 37-39.
- Тоф. Тофаларско-русский и русско-тофаларский словарь / Под ред. В.И.Рассадина, Иркутск, 1995.
- ТРС Туркменско-русский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова, Б.А.Каррыева, М.Я.Хамзаева, М., 1968.
- Узб. Русско-узбекский словарь / Под ред. В.В.Решетов. Ташкент, 1972.
- Уйг. Русско-уйгурский словарь / Под ред. Н.А.Баскаков, Т.Р.Рахимов, М. 1940.
- УРС Уйгурско-русский словарь / Под ред. Ш.Кибирова, Ю.Цунвазо. Алма-Ата, 1961.
- Хал. Khalaj Materials Gerhard Doerfer Indiane University Publications Uralis and Altaic Series, Hague 1971.
- ЧРС Чувашско-русский словарь / Под ред. М.Я.Сироткина. М., 1961.
- Шор. Шорско-русский и русско-шорский словарь / Под ред. И.Н.Курпешко-Таннагашева, Ф.Я.Аноньки. Кемерово, 1993.
- ЭСТЯ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974—1980. Т. І—ІІІ; [Севортян Э.В., Левитская Л.С.] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й" / Авт. сл. статей Э.В.Севортян, Л.С.Левитская. М., 1989; дальнейшие тома в рукописи. При ссылке на том ЭСТЯ указывается год выхода тома в свет. Отсутствие указания на год выхода тома в свет (нередко при этом указывается номер тома) свидетельствует о том, что читатель отсылается к материалам томов, еще не опубликованных).
- Юдахин 1985 Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1985.

- Cruse 1986 *Cruse D.A.* Lexical semantics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. EDAL *S.A.Starostin, A.V.Dybo, O.A.Mudrak.* An Etymological Dictionary of Altaic Languagies. Leiden, 2003.
- EDT *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Lehrer 1974 Lehrer A. Semantic fields and lexical structure. Amsterdam: North-Holland. Pop.VGAS – Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. I. Wiesbaden, 1960.
- Ram.KWb Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Räs. VEWT *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- Wierzbicka 1996 *Wierzbicka A.* Semantics, primes and universals. Oxford: Oxford University Press, 1996.